Сентябрь
4
1899 г.

Виктор Пантелеймонович Гудков
(к 120-летию со дня рождения)

Гудков Виктор Пантелеймонович – культработник, журналист, поэт, драматург, переводчик, композитор, фольклорист, создатель хроматического кантеле, основатель и дирижер Государственного ансамбля песни и танца Республики Карелия «Кантеле», заслуженный деятель искусств Карело-Финской ССР (1939), один из основателей Союза композиторов Карелии (1937), член Союза писателей Карелии (1940). Родился 4 сентября 1899 г. в г. Воронеже, умер 17 января 1942 г. в г. Фрунзе (Киргизия).

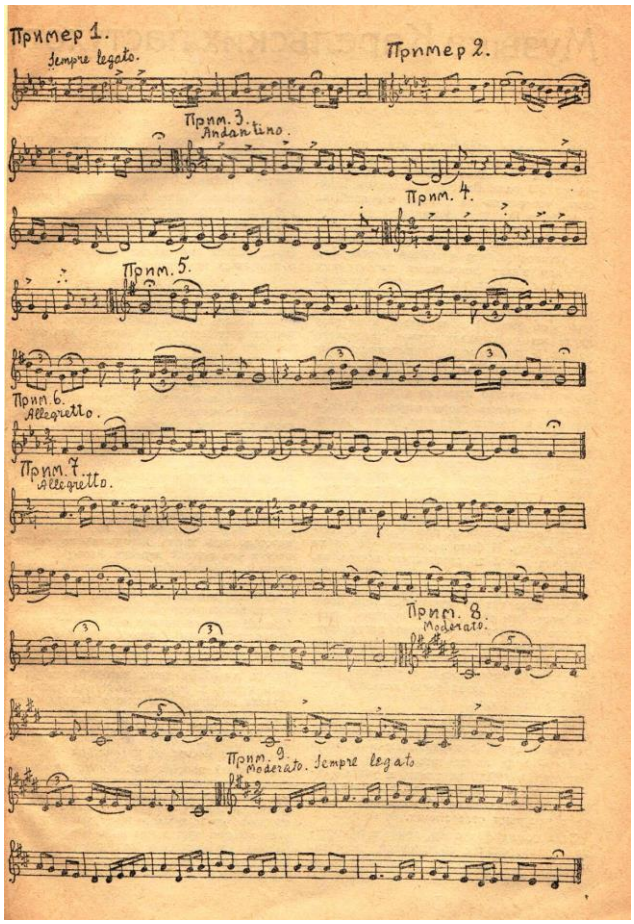
Он был необыкновенно талантливым, всесторонне развитым, пытливым и глубоко преданным главному делу жизни – кантеле – человеком. Прожив сложную, но яркую, событийную жизнь, он был сосредоточен на проблемах культуры карельского, вепсского, финского и русского народов Карелии. Он совершенствовал свои знания и навыки всю жизнь.

В юности, еще в Воронеже он играл в городском балалаечном оркестре (1911–1916), в Мурманске, куда переехал вслед за матерью, занимался агитработой в клубе железнодорожников (1918–1919). Служил в Красной Армии (1920-1921). Вернувшись в Мурманск, работал в РОНО, возглавил агитбригаду «синеблузочников». В Кандалакше возглавил новую газету «Кандалакшский коммунист», где каждое выступление журналиста было запоминаемым читателями – рыбаками, оленеводами, лесорубами. Увидев случайно инструмент кантеле в руках одного из финских товарищей, «заболел» инструментом настолько, что посвятил делу усовершенствования и актуализации инструмента среди жителей Карелии и всей огромной Советской страны всю свою жизнь. С 1932 года В. П. Гудков жил и работал в Петрозаводске. Он являлся специалистом Карельского Научно- исследовательского института, аспирантом у подававшего большие надежды ученого, исследователя народных традиций, полиглота, ученика музыковеда, музыкального критика, советского композитора Б. В. Асафьева Евгения Владимировича Гиппиуса.

За короткий срок, буквально за пять лет Виктор Пантелеймонович создал, как и его предшественник, русский музыкант В. В. Андреев, весь спектр оркестровых кантеле – от

пикколо до баса. Помощниками и соратниками в этом непростом деле были мастера инструментов: Алексей Захарович Ямщиков, который в 1932–1933 годах увеличил количество струн на ранее малострунном инструменте при одновременной оптимизации формы его корпуса; вел поиск путей усиления звука за счет использования в работе сочетаний различных резонансных пород дерева. С 1933 года и до начала Великой Отечественной войны надежным соратником В. П. Гудкова стал мастер-модельщик Онежского тракторного завода, краснодеревщик, уроженец Заонежья (д. Кузаранда) Евдоким Ефимович Клюхин. Он создал наиболее удачные по звуку и форме образцы инструментов, хроматический механизм которых реализовывался с помощью разноуровневых металлических выемок на порожке. Им создана и интересная по конструктивным особенностям модель хроматического кантеле-пикколо – верхняя дека разделена порожком на два отдела.

Работы по модификации кантеле и его оркестровых форм шли опытным путем с последующим изготовлением чертежей для массового выпуска инструментов на базе артели «Промигрушка». В. П. Гудков прилагал немалые усилия для выпуска инструмента с самоучителем, так как целью его неутомимой деятельности было распространение инструмента среди населения Карелии для любительского бытового музицирования.



Апробация экспериментальных инструментов шла на протяжении 1932–1941 годов. Энтузиастом В. П. Гудковым были созданы творческие экспериментальные коллективы: секстет учащихся ФЗО (Кандалакша, май, 1932), экспериментальный оркестр кантеле Финского Детского Дома (Петрозаводск, 1932–1933), оркестр кантеле Педагогического института (Петрозаводск, 1934–1935), оркестр кантеле стрелковой бригады из 30 человек (1935), секстет кантеле (1935–1936) при Доме народного творчества, оркестр кантеле Петрозаводского Дворца пионеров (1937). Он обучал артистов Ленинградского ТЮЗА игре на кантеле для пьесы Д. А. Щеглова «Клятва» (1937). Любительские коллективы принимали участие в Выставке достижений народного хозяйства Карельской АССР в г. Ленинграде (1935), Первом Всесоюзном радиофестивале (1936), Декаде карельского искусства в Ленинграде (март 1937).

В соответствии с решением Бюро Карельского обкома ВКП(б) (протокол № 112 от 9 апреля 1936 г.) и на основе ранних любительских коллективов В. П. Гудковым был создан профессиональный коллектив из 12 человек, который приступил к работе 1 июня 1936 года. Первоначально это был оркестр кантеле, члены которого пели и танцевали. На протяжении последующих лет в штат коллектива вошли певцы и танцоры – учащиеся бывшего Петрозаводского театрального училища, закрытого в 1938 году, солисты карельского Петровского народного хора, выпускники Олонецкой средней школы, солисты Дома народного творчества, традиционный исполнитель на кантеле И. И. Лебедев (с февраля 1938 г.). В целях интенсивной подготовки кадров исполнителей для нового ансамбля песни и танца, названного «Кантеле», коллектив под руководством художественного руководителя В. П. Гудкова набирал и обучал учеников. Параллельно с процессом обучения артисты ансамбля много репетировали. Выступали в Петрозаводске и гастролировали по Советскому Союзу. Об этом хорошо написала первый документалист-исследователь деятельности ансамбля Цецилия Наумовна Кофьян: «На сцену выходит ансамбль кантелистов во главе с его организатором и дирижером В. Гудковым. С огромным вниманием зал вслушивается в незнакомое ему звучание старинных карельских народных кантеле, которые завоевывают себе всеобщее признание аудитории, горячо приветствовавшей все дальнейшие выступления ансамбля…», – пишет Ленинградский корреспондент 12.03.1937 г.». «Чрезвычайно интересно было выступление ансамбля карельских народных инструментов – кантеле. Приятная, нежная звучность кантеле особенно большое впечатление производит при сопровождении песен в хоровом исполнении и в танцах…», – пишет заслуженный артист РСФСР И. Немцев[1] в газете «Ленинградская правда» от 12.03.1937 г. «Участники ансамбля являются одновременно и музыкантами, и певцами, и танцорами. Выделяются оригинальностью и изяществом шуточный карельский сольный танец «Риступярья» (Н. Кондратьева) и массовый финский народный танец «Так ткут сукно»…» («Советское искусство» от 02.03.1937 г.). «Это подлинно-народное искусство, трогательное в своей наивности и простоте, особенно ценное в своей доходчивости до самой широкой и разнообразной аудитории. Нужно всячески беречь и развивать это искусство, которое сегодня в первый, но, надеюсь, не в последний раз показал народ Советской Карелии…», – делиться своими впечатлениям от выступления кантелистов директор Арктического Института профессор Р. Л. Самойлович в газете «Красная Газета» от 13.03.1937 г.[2]

Значение гастрольных поездок для артистов молодого ансамбля было очень велико: «…поездка в самые удаленные и глухие уголки Республики, встречи с самодеятельностью этих уголков, принесли колоссальную пользу коллективу. Признание народом завоеванных

[1] Основатель и руководитель Хоровых олимпиад в Ленинграде.
[2] Кофьян Ц. Н. Государственный национальный ансамбль Карело-Финской песни и пляски «Кантеле» (1936–1946 гг.) : рукопись // Государственный ансамбль песни и танца Карелии «Кантеле», архив отдела «Наследие».

творческих позиций укрепило сознание правильности избранного пути, вдохновило на радостный труд и стремление к дальнейшим достижениям»[3], – дает оценку Ц. Н. Кофьян. Важнейшими для становления ансамбля было участие в обслуживании частей Красной Армии во время советско-финляндской или «зимней» войны на карельском перешейке (1939–1940).

Параллельно с этими процессами шло планомерное создание концертного репертуара ансамбля. В. П. Гудков наряду с К. Раутио, Н. Н. Леви участвовал в его создании. Творчество В. П. Гудкова–композитора составляют инструментальные и оркестровые (для кантеле, оркестра кантеле) миниатюры, в том числе обработки народных напевов, вариации. Развитие музыкальной ткани часто исходит из особенностей мелодий-цитат – напевов народных песен и наигрышей. Велико значение басовой опоры и фонообразующих структур. Наиболее известны авторские музыкальные произведения: «Прелюдии», пьеса «Часы», «Финская круговая полька» для кантеле-соло, квартета и дуэта кантеле, «Вариации на финские и карельские темы», обработки «Тупицынская кадриль», «Напевы рун «Калевалы» для оркестра кантеле. Мастер создал значительное число произведений педагогического репертуара для кантеле-соло: «Десять прогрессивных этюдов», «Школу игры на кантеле». Ряд произведений В. П. Гудкова, и прежде всего, педагогического репертуара, а так же стихи, созданные во время эвакуации ансамбля в 1941–1942 гг., утрачены; некоторые музыкальные сочинения погибли в огне пожара, произошедшего в здании «Кантеле» в 1948 году.

Виктор Пантелеймонович Гудков является зачинателем музыкальной фольклористики в Карелии. Под влиянием своего учителя и коллеги Е. В. Гиппиуса, а также музыковеда-фольклориста З. В. Эвальд, разрабатывавших в предвоенные годы структурно-типологические методы слогового музыкально-ритмического и мелодического анализа, им был организован сбор, первичная обработка музыкального материала, эквиритмический перевод текстов песен с карельского и финского языков на русский язык, определены основы его научной жанровой классификации для музыкальной традиционной культуры народов Карелии, предпринято научное и научно-популярное описание образцов песенной и инструментальной традиционной культуры карелов, вепсов, русских края. На основании записей фонограммархива Пушкинского Дома карельского (п. Спасская Губа) и вепсского (с. Шелтозеро) фольклорных хоров на Декаде карельского искусства в Ленинграде (1937), музыкальных записей комплексной экспедиции ленинградских исследователей в Заонежье (по инициативе Б. В. Асафьева, 1926) В. П. Гудков под руководством Е. В. Гиппиуса и совместно с З. В. Эвальд, Н. Н. Леви подготовил и издал сборник «Песни народов Карело-Финской ССР» (1941). Проблемы музыкальной фольклористики Карелии обозначены В. П. Гудковым в статье «К вопросу изучения карельской народной музыки » (1933), «Музыка Калевалы» (1935). Значимыми для

[3] Кофьян Ц. Н. Государственный национальный ансамбль Карело-Финской песни и пляски «Кантеле» (1936–1946 гг.) : рукопись // Государственный ансамбль песни и танца Карелии «Кантеле», архив отдела «Наследие».

науки остаются его исследования в области традиционных аэрофонов карелов Южной Карелии, которые обобщены исследователем в очерке «Музыка карельских пастухов» (1934), а также наблюдения над традицией изготовления долбленых кантеле карелов и наигрышами на них. Материалы опубликованы в статьях «Живое кантеле» (1933) и «Карельское кантеле» (1937).

Раннее творчество В. П. Гудкова-поэта отмечено «прометеевской» революционной образностью. Такова гражданская лирика сборника «С Севера» (1922) с центральным стихотворением «Мы с пожарищ». Уже в 1920-е годы он поднимал в творчестве проблемы национального характера. Под влиянием традиционных песен финнов и карелов, эпоса «Калевала» им были созданы также и лирические стихи. Этому направлению творческой деятельности принадлежат произведения среднего периода творчества В. П. Гудкова: стихотворение «Кантеле», поэма «Старый Тойво» (1927). В завершающий период творческой деятельности эту линию в поэзии продолжили лирический поэтический цикл «Любовь и разлука» (1940), эпическая поэма «Выбор» (1938). Эпическая линия в творчестве В. П. Гудкова ярко проявилась в драматических сочинениях: либретто одноактной оперы «Три брата» (1939, музыка Р. С. Пергамента, 1948), пьесы–поэмы «Сокровище Сампо» (1941**), («Сампо» в публ. 1945).** Жюри Всероссийского конкурса на лучшую пьесу (1941) отметило работу поэта и драматурга премией. Музыкальность поэтического склада стихов Виктора Пантелеймоновича привлекала к сотрудничеству с ним композиторов К. Э. Раутио (песня «Звучи, мое кантеле» и сочинение для хора «Новое березовое кантеле»), Р. С. Пергамента (« Мил дружочек», «Победа будет за нами»).

Виктор Пантелеймонович Гудков был преданным делу советской власти и решениям ВКП(б), членом которой он являлся еще со времен службы в рядах Красной Армии. Он избирался членом Карельского исполкома ВКП(б) (1939), Депутатом Верховного Совета Карельской АССР по Заонежскому округу (1939–1940).

В первые дни Великой Отечественной войны записался в Народное ополчение, совместно с художником В. Буторовым выпускал для жителей Петрозаводска рукописную публичную газету «Окна Карелфинтага», в которой стихами-подписями под карикатурами художника реагировал на фронтовые события.

Виктор Пантелеймонович умер в эвакуации. В дневниках М. И. Гаврилова есть описание этих событий:

«14 января 1942

Фрунзе, столица Киргизской ССА. Вагон наш стоит в Пишпеке – это 4 км от Фрунзе. Состоялось собрание: отчитывался директор Уманский. Неважны у него дела, а значит, и у нас. В. П. Гудков лежит больной в купе проводников. У него нет лекарств. Он диабетик, колет себя ежедневно шприцом. Инсулин кончился, он страдает. А ведь мог бы получить, если обратился в

высшие инстанции, как депутат. Но из-за скромности не идет просить лекарства, а более, ждет, надеется на лучшее.

Скромность Гудкова заслуживает подражания. Вот человек! А какой содержательный человек!

Мне кажется, что он в постоянных поисках чего-то нового. Чуть ли не через день в наших концертах читает свои новые стихи. Тема? Проклятие Гитлеру, победа над фашизмом. Удивительная трудоспособность. Говоря о Гудкове, можно заметить, что он на редкость талантливый человек. Гудков неплохо разговаривал на финском языке, во всяком случае, все понимал. Он, работая до «Кантеле» в научно-исследовательском институте, постоянно выезжал в карельские деревни, записывал сказы и стихи, встречался с людьми простой, деревенской среды, был их завсегдатаем. В Пряжинском районе он отыскал многих народных самородков игры на кантеле: Ив. Тупицына, И. И. Лебедева из дер. Чуккойла. Он впитывал в себя лучшие образцы народного творчества – устного и музыкального – и на этой основе создавал свои стихи о Сампо. Еще в Петрозаводске в окне «Карелфинтаг» появлялись первые карикатуры на гитлеровских бандитов. Четверостишья Гудкова долгое время сопровождали эти карикатуры, нарисованные В. Буторовым.

Скромность Гудкова заметна, подчеркнута. Он был готов собрать репетицию кантелистов в любое время суток, в филармонии, у себя на квартире (что часто случалось). Имея большую семью, мне поначалу казалось, что он мало заботится о ней. Но видя Аэлиту – его дочь – и других детей с ним, я был поражен отцовской лаской и любовью, его наставлениями. Дети шалили, а он наблюдал, не останавливая их, если даже они поступали плохо. А уж после делал им наставления поступкам ребенка. Дети слушали его внимательно.

Ольга Николаевна – жена Гудкова – только и говорила: «Мой Витя, мой Витя». Что это означало – не знаю. Думается, что семья и отношения Гудкова с супругой были исключительно душевными. Кстати, удивительна внешняя противоположность супругов. В. П. – сухой, чуть сутуловатый, в очках и с бритой головой, О. Н. – полная, дородная, спокойная, улыбающаяся женщина. Квартира их - в деревянном доме рядом с пл. Ленина. Скромная, обстановка тоже, я бы сказал, деревенская. Ничего изысканного, напускного. Категоричность, требовательность Гудкова к себе доходили до крайности. Однажды, в начале войны, когда было издано постановление о явке на работу к назначенному времени за 20 минут, Гудков где-то задержался на 15 минут. Мы репетировали в одном из классов филармонии. Гудкова не было и причины мы не знали, занимаясь самостоятельно, разбирали партии каждый сам по себе. Выйдя в коридор, я заметил Гудкова, чем-то озабоченного. Он буквально бежал в репетиционную комнату, схватил один из деревянных пультов для нот и начал им размахивать, бить по инструментам. Когда он успокоился, мы спросили:

- Что с Вами, В. П.?

– Я опоздал на 15минут, задержали в Управлении по делам искусств. Теперь меня будут судить и делу конец.

Мы-то, молодежь, строго соблюдали этот закон, репетировали, находили работу на 6 часов рабочего дня. А вот Ивана Ивановича Лебедева, древнего старика, было жаль. Он с 9 утра в течение всего рабочего времени устраивался где-то в гардеробе, или на лестничной площадке, играл свои немудреные карельские мелодии и вариации. Порой он засыпал от изнурительного однообразия. Но ему другого применения не могли найти. А приказ есть приказ, – сказал Гудков, – и рабочий день для всех одинаков. Думаю, что в этом случае Гудков подчинялся беспрекословно формальности, никому не нужной, и был служакой. В ту пору культа Сталина с каждым могло быть так же.

Но в Гудкове было то, что поражало нас – трудоспособность. Он всегда что-то выдумывал. Задумывал он, чтобы оркестр аккомпанировал, когда он играет пастушьи наигрыши на окарине. Этих «свистулек» он где-то раздобыл множество и на разных из них пробовал играть на ходу, подбирая мелодию, импровизируя.

– Нет, давай попробуем другую, – говорил он и так в течение многих дней. Позднее на концертах он играл соло на окарине.

Гудков хорошо играл на цитре тирольские песни. Мы заслушивались его импровизациями. Одновременно он вел мелодию и аккомпанировал себе. Это было достойно подражания. Он изучил кантеле настолько, что написал школу игры.

Басы-кантеле были примитивные, струн мало. Чтобы извлечь полутон, надо было левой рукой нажимать струну у левой подставки, чтобы звук повысился на полтона. А в быстрых пьесах, где появлялись случайные знаки, басист должен был быть виртуозом. Его левая рука подпрыгивала как мяч, гася ненужные по музыке звуки.

П. Кустов, басист, – флегматичный человек по натуре, не успевал этого делать. Тогда Гудков брал бас, показывал, как надо играть. У него это получалось убедительнее.

О В. П. Гудкове можно и нужно написать отдельно, этот человек – слиток тех народных жемчужин, которые сочетаются редко: поэт, композитор, исполнитель на разных инструментах и все он делал профессионально. Он прекрасно разбирался в жанрах, знал, что нужно по репертуару ансамблю «Кантеле». Это был человек – синтез и этого требовал от своих учеников. Не случайно мы, его ученики, каждый по своим способностям, делали все, что могли: играли, танцевали, пели. <…>

А теперь вот он лежит больной. Но чем мы можем помочь? Если только лишний раз позвать врача? Но он ответит: «Инсулина нет, не вызывайте».

17 января 1942

Сегодня в 9 утра с нами не стало Виктора Пантелеймоновича Гудкова. Геншафт нам сказал об этом, очень осторожно, чтобы не расстроить нас. Теперь мы одни – соколы голые, без

нашего наставника, учителя, друга, любимого руководителя. Всю свою сознательную жизнь он отдал карело-финскому искусству. Вечно будем хранить память о замечательном человеке, заслуженном деятеле искусств К-ФССР, депутате Верховного Совета К-ФССР.

Вечная память тебе, любимый, незабвенный наш Виктор Пантелеймонович!

...Под руками задрожали
Колокольчиками струны:
Ты запел из «Калевалы»
Дорогие сердцу руны
Звонко кантеле играет, –
У тебя проворны руки.
То смеются, то рыдают
Всем знакомые нам звуки
Любят все тебя в народе
Лишь услышат звуки эти, –
Молодежь кадриль заводит
И танцует до рассвета.
(И. Г. Кутасов, «Кантелисту»)

Значение многогранного творчества В. П. Гудкова для современности велико. Он создал новое направление в национальной культуре и искусстве Карелии, его музыка и сегодня звучит в учебных аудиториях и на концертных площадках. Его научные работы содержат наблюдения, необыкновенно важные для наших современников-инструменталистов – мастеров музыкальных инструментов, исполнителей, исследователей. Сборник народных песен, в создании которого Виктор Пантелеймонович принимал участие, и сегодня является артефактом национальной культуры. Представляется целесообразным предложить вниманию читателей также одну из лучших статей В. П. Гудкова.

И. Б. Семакова,
музыковед, фольклорист

Музыка карельских пастухов

Мне крепко запомнился этот прекрасный, чистый, пронизанный мягкими нитями последних отблесков солнца августовский вечер 1933 года. Вместе с Виктором Евсеевым, товарищем по работе, мы прибыли в деревню Эссойлу (Пряжинский район) в поисках образцов карельской народной музыки. За нами была уже крупная победа: мы установили, что в южной Карелии до сих пор живет считавшееся исчезнувшим старинное кантеле, мы слышали и записали

мелодичные перезвоны его струн под пальцами искусных игроков и самоучек. Но мало еще было записано песен, и ни разу нигде мы не слыхали звуков пастушьего рожка. В большинстве пройденных нами деревень обходились без пастухов, а там где пастухи были, они уже утратили старинное искусство игры на рожке.

Вечер протекал своим чередом. Шли с сенокоса колхозные бригады. Возвращались домой коровы, скоро должны были пригнать колхозное стадо, и вместе с этим стадом должен был придти домой пастух Федор Чертов, который - как нам рассказывали - в совершенстве владел искусством пастушьей музыки. На пригорочке, у дома пастуха, мы ждали долго, но тщетно: пастух остался в лесу, разыскивать отставшую корову. И было вероятно, что он не вернется домой до следующего вечера, заночует в поле, а стадо утром погонит его сынишка - так говорили соседи.

К счастью, так не случилось. Очень поздно, когда мы уже спали в верхнем сарае одного из крестьянских домов, пастух вернулся домой, Утром, когда еще крепок был рассветный холодок, он подошел к нашей деревенской «квартире» и заиграл на рожке – заиграл, давая весть хозяевам, что пора доить коров.

Сквозь сон донеслись до меня звуки рожка. Вскочить с постели, одеться, захватить нотную тетрадь с карандашом и сбежать вниз - вряд ли все это заняло больше минуты. И, выйдя на улицу, я увидел сухонького старичка с кнутом и сумкой, игравшего на конической берестяной дудочке с четырьмя отверстиями.

Звук рожка был очень приятен и чудесно гармонировал с обстановкой деревенского утра. Пятитонная мелодия звучала так (см. пример № 1).

Я спросил музыканта, не играет-ли он чего-нибудь другого, но он только варьировал первую мелодию, вставляя в нее быстрые пассажи (пример № 2).

Так началось наше знакомство с музыкой карельских пастухов. Нельзя сказать, что мы часто наслаждались ею во время экспедиции. Обойдя 20 деревень Пряжинского района, мы смогли записать только 6 пастушьих наигрышей.

Источник всякого искусства - в труде, в общественной организации труда. Музыкальное искусство пастухов также носит прежде всего утилитарный характер. Играя, пастух дает знать всей деревне, что пора выгонять или встречать стадо. Звуки рожка отпугивают хищников и помогают разбредшимся животным определить местонахождение пастуха. Но частое общение с музыкой постепенно вырабатывает у пастуха музыкальные навыки - и он совершенствует свою игру уже из любви к искусству. Есть пастухи, знающие много мелодий, но одна из них является основной, характерной для данного пастуха. Эту мелодию обыкновенно хорошо знают односельчане и по ней определяют, что играет именно их, а не какой-нибудь другой пастух. Тов. Савельев, аспирант Карельского научно-исследовательского института, сообщил мне

мелодию, которую всю жизнь наигрывал на рожке пастух его родной деревни Утозеро (Олонецкого района) Курги Микку (пример № 3).

«Утилитарность» пастушьей музыки предъявляет известные требования к инструменту. Прежде всего, он должен обладать сильным, продолжительным, далеко слышным звуком. Этому вполне отвечает деревянный, обвитый сверху берестой, бутылкообразный рожок, подобный тому, который нам удалось купить в деревне Коччури (Крошнозерская коммуна) у местного пастуха Степана Филина. Такие рожки иногда делают очень больших размеров, чуть ли не в рост человека. Тогда звуки их бывают слышны за несколько километров.

По нашей просьбе тов. Филин играл на своем инструменте. Предварительно размочив его в воде (все деревянно-берестяные рожки должны быть постоянно влажными, чтобы в дереве не было щелей, куда может уйти воздух; пастухи на ночь обыкновенно кладут их в воду, но у Филина рожок давно не был в употреблении), он приложил губы к узкому концу так, как это делают горнисты и трубачи, надул щеки - и вдаль понеслись мощные, довольно приятного тона, ритмически чередующиеся чистые кварты (пример № 4).

Когда хотят подражать звуку такого рожка голосом, то выговаривают нараспев: «тю-рю, тю-рю, рют». Получается очень похоже. И самый рожок такого типа именуется «тюрю». Кроме таких рожков, кое-где в Карелии можно найти деревянные (из двух продольно сложенных половинок), обвитые берестой прямые и изогнутые трубы, но это - явное подражание где-то виденным медным духовым инструментам.

Рожок типа «тюрю» не может дать более двух звуков, так как в нем нельзя изменить длину звучащего столба воздуха (второй звук получается при помощи изменения положения губ играющего). Но если заменить бутылкообразную форму - слегка конической, а в стенке нижней части рожка прорезать несколько отверстий, которые при игре можно то закрывать пальцами, то открывать - получится уже более богатый звуками и более мелодичный, хотя менее сильный по тону инструмент. Такой рожок (его карельское название - «лиру») мы впервые отыскали в деревне Миккелице, у колхозника-сапожника Алексея Гоппаева. Когда-то он был пастухом, теперь бросил это дело, но «лиру» у него сохранился. Отыскав и размочив свой инструмент, тов. Гоппиев сыграл нам следующие мелодии (пример № 5).

Снова услышать «лиру» нам пришлось только в деревне Коччури незадолго до окончания нашей экспедиции. Второй пастух этой деревни, Федор Пантелеев играл на «лиру» не так замысловато и разнообразно, как Гоппиев, но все же очень своеобразно и приятно (пример № 6).

Там-же, в Коччури, отыскался любитель игры на «лиру», никогда не бывший пастухом и игравший, так сказать, в порядке самодеятельности. Это был колхозник из Крошнозерской коммуны Алексей Ефремов. Он варьировал свои мелодии очень разнообразно. (Пример № 7).

Не менее интересную мелодию сыграл нам и пастух Федор Патринеевич Устинов, в колхозе «Ауринго» (Каскес-Наволок), последнем пункте нашего маршрута.

Приведенные записи пастушеских наигрышей дают ясное понятие об объеме и звукоряде пастушьих рожков. «Лиру» делается обычно с четырьмя, реже с пятью отверстиями, и в зависимости от этого дет пять или шесть ступеней натуральной или мажорной гаммы, причем инструмент иногда, в силу своего примитивного устройства, детонирует, не дает чистых тонов и полутонов. Не думаю, чтобы это указывало на существование особого звукоряда, не сходного с европейским, так как каждый инструмент детонирует по своему.

Удалось также установить, что под названием «лиру» в Пряжинском районе бытуют рожки трех различгых типов. С одним из них - «амбушюрным» (звукоизвлечение при помощи губ и языка) читатель уже знаком. На «лиру» другого типа играл описанный мною в начале статьи Федор Чертов. Этот рожок имеет коническую форму, сделан из двух половинок выдолбленного ольхового ствола, скрепленных поверху берестой. Верхний конец его косо срезан и к нему привязан тонкий можжевеловый «язычек». Получается подобие кларнета, с кларнетным - же способом извлечения. Чертов уверял нас, что этот рожок - его изобретение, но в последствии я отыскал его описание (и фотографию) в книге Н. Финдейзена - «История музыки в России до 18 столетия». Упоминает о подобном рожке и У.Т. Сирелиус в своей книге «Финская народная культура» (на финском языке). Третий тип «лиру» нам нигде не удалось найти, но мы много слышали о нем от пряжинских крестьян, а в Мечельском сельсовете отыскался бывший пастух, который сделал для нас такой «лиру». Он напоминает русскую «жалейку». Из куска бузиновой или ивовой ветки вынимается сердцевина, верхний конец затыкается, сбоку острым ножом на нем делается продольный надрез таким образом, чтобы получился колеблющийся при вдувании воздуха язычек. В нижнем конце прорезаются 3–4 отверстия и на него насаживается кусок полого коровьего рога или раструб из бересты. Звук такого «лиру» напоминает гобой.

Итак, старинная пастушеская музыка жива еще в южной Карелии, хотя с каждым днем ее все труднее и труднее найти. Что нам может дать собирание и фиксирование ее образцов? Очень многое. Можно привести названия целого ряда произведений крупнейших мастеров музыкального искусства (назовем хотя бы известную всем сцену письма из «Онегина» Чайковского и «Утро» Грига), в основу которых положены пастушеские наигрыши. Разве советские композиторы социалистической Карелии не могут черпать из того же богатейшего источника, создавая национальную по форме и социалистическую по существу музыку?

Интересны и сами инструменты. В течение ряда столетий совершилась эволюция от пастушьих рожков до ряда духовых инструментов современного симфонического оркестра: кларнета, гобоя, фагота, саксофона. Но эти инструменты, хотя и представляют огромные исполнительские возможности, требуют сложной техники игры и вряд ли могут стать массовыми. Рожок же типа «лиру» (особенно одна из язычковых форм) при небольшом

усовершенствовании может стать общедоступным и дешевым инструментом. Спрос на него несомненно будет, так как не одни только пастухи интересуются игрой на рожке. Я уже писал о «любителе» игры на «лиру» Ефремове, об аспиранте Савельеве, помнящем игру пастуха с детства до зрелого возраста. А в деревне Коччури пожилой колхозник Иван Жаров, играя на кантеле (карельский народный струнный инструмент), подражал игре на «лиру», наигрывая весьма сложную мелодию.

Мне также кажется, что внимание, уделяемое теперь колхозному животноводству, вызовет увеличение количества пастухов, а рожок для пастуха - вещь очень полезная. И будет хорошо, если пастух сможет получить не примитивную самоделку, а музыкально-грамотный, рационально построенный, дешевый и несложный по технике инструмент. Это создаст предпосылку для нового музыкального творчества в колхозной карельской деревне.

Но особенно блестящее применение может найти рожок в оркестре карельских народных инструментов (кантеле-оркестре), существующем при Карельском научно-исследовательском институте и вполне уже доказавшем свою жизнеспособность и художественную ценность. Сейчас оркестр располагает только струнно-щипковыми (кантеле) и смычковыми (вирсиканель) инструментами. С введением в его состав рожков, кантеле-оркестр станет оркестром народных инструментов симфонического типа.

Тов. В. Гудков неутомимый организатор и постоянный руководитель первого оркестра национальных инструментов – кантеле-оркестра. Сейчас работа оркестра выходит за рамки чисто исследовательской, и кантеле-оркестр существует как оркестровая единица симфонического типа.

Виктор Гудков

Альманах «Начало». Кн. 2. – Петрозаводск, 1934. - С.35-37.

БИБЛИОГРАФИЯ

Песни народов Карело-Финской ССР : сб. карел., вепс. и рус. песен / Науч.-исслед. ин-т культуры Карело-Фин. ССР; сост.: В. П. Гудков, Н. Н. Леви. - Петрозаводск: Госиздат Карело-Фин. ССР, 1941. - 99 с.

Гудков, В. К вопросу изучения карельской народной музыки / Виктор Гудков // Краеведение в Карелии на современном этапе : сб. ст. - Вып. 2. - Петрозаводск, 1933. - С. 79-80.

Гудков, В. Музыка карельских пастухов / Виктор Гудков // Начало : альм. карел. писателей. Кн. 2. - Петрозаводск, 1934. – С. 36-38.

Гудков, В. Три брата : либретто оперы в трех актах (четырех картинах) на сюжеты карел. эпич. песен / Виктор Гудков // Карелия : альм. Союза писателей Карелии. Кн. 4. - Петрозаводск, 1939. – С. 95-142.

Гудков, В. Песня о двенадцатой союзной / В. Гудков // На рубеже. - 1940. - № 1. - С. 1.

Гудков, В. Любовь и разлука : по мотивам финн. нар. сказок / В. Гудков // На рубеже. - 1940. - № 5/6. - С.17-18.

Гудков, В. П. Выбор : (по мотивам карел. эпич. песни) / Виктор Гудков // Карелия в художественной литературе. - Петрозаводск, 1940. - С.245-247.
То же // Антология карельской поэзии. - Петрозаводск, 1963. – С. 176-179.

Гудков, В. П. Прения по докладу тов. Базанова / В. П. Гудков // На рубеже. - 1941. - № 1/2. - С. 63.

Гудков, В. Сампо : (драмат. поэма) / Виктор Гудков // На рубеже. - 1945. - № 1. - С. 61-119.

Гудков, В. Сампо : (драмат. поэма) / Виктор Гудков // На рубеже. - 1946. - № 7. - С. 20-64.

Песня о Сталине : слова нар. / пер. с вепс. В. Гудкова // На рубеже. - 1949. - № 12. - С. 41.

Гудков, В. Старинные часы [Ноты] / Виктор Гудков // Умножать богатства наши... : сб. произведений композиторов Карелии : из коллекции нот. рукописей Нац. ансамбля "Кантеле". Вып. 1. - Петрозаводск, 2009. – С. 5-8. - Тексты песен на рус., карел.и фин. яз.

Gudkov, V. Valinta : [runo] / Viktor Gudkov // Veljeys / laat. ja toim. T. Summanen, A. Misin. - Petroskoi , 1982. – S. 29-35. - Текст фин.
Пер. загл.: [Выбор].

Литература о Викторе Пантелеймоновиче Гудкове

Семакова, И. Б. Живое кантеле : страницы жизни и творчества Виктора Пантелеймоновича Гудкова (1899 - 1942) / И. Б. Семакова; Нац. ансамбль песни и танца Карелии "Кантеле". - Петрозаводск :Verso, 2012. - 189 с. : ил., портр., нот. ил. - Библиогр. в коммент.: с. 151-171 и в подстроч. примеч. - ISBN 978-5-91997-065-1.

Дюжев, Ю. И. Гудков Виктор Пантелемонович / Ю. И. Дюжев // Карелия : энциклопедия. В 3 т. Т.1. А-Й. - Петрозаводск, 2007. - С. 282 : ил.

Гудков Виктор Пантелеймонович // Писатели Карелии : биобиблиогр. слов. - Петрозаводск, 2006. – С. 146-148.

Гудков Виктор Пантелеймонович // Композиторы и музыковеды Карелии : [справочник]. - Изд. 3-е, испр. и доп. - Петрозаводск, 2009. – С. 30-31.

Колосенок, С. В. Место, где стояло здание Дома народного творчества, в котором работал фольклорист В. П. Гудков / С. В. Колосенок // Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР : памятники культуры. - М., 1977. – С. 83-84.

Савватеев, Ю. А. В. П. Гудков, "Калевала" и кантеле / Ю. А. Савватеев // "Калевала" в контексте региональной и мировой культуры : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 160-летию полного издания "Калевалы". - Петрозаводск, 2010. - С. 531-540.

Гаврилов, М. И. Пой, наше кантеле! / М. И. Гаврилов // На рубеже. - 1959. - № 2. - С. 144-146 : ил.

Гаврилов, М. Творец нового кантеле / Максим Гаврилов // Север. - 1966. - № 3. - С. 106-110 : ил.

Гаврилов, М. Возрожденное кантеле : [о Викторе Гудкове] / Максим Гаврилов // Север. - 1975. - № 6. - С. 113-114. - (Коротко о разном).

Красавцева, Н. Создатель "Кантеле" : [композитор, поэт, этнограф, фольклорист В. П. Гудков] / Н. Красавцева // Лицей. - 1999. - № 8-9. - С. 9.

Варламова, М. Чтобы кантеле звучало ... : [о Викторе Пантелеймоновиче Гудкове, возродившем концерт. кантеле] / Марианна Варламова // Курьер Карелии. - 2009. - 3 нояб. - С. 8.

Карелия : 90 шагов истории : год 1936-й : [Виктор Гудков] / проект ведет Юрий Шлейкин ; материалы подгот. Александр Валентик // ТВР-Панорама. - 2008. - 31 дек. (№ 1). - С. 8.

Доска в форме кантеле : 5 дек. в Петрозаводске была установлена мемориал. доска осн. ансамбля "Кантеле" Виктору Гудкову // Курьер Карелии. - 2006. - 8 дек. - С. 3.

Памяти Виктора Гудкова : в Петрозаводске установлена мемориал. доска осн. ансамбля "Кантеле" // Молодеж. газ. - 2006. - 14-20 дек. (№ 50). - С. 3.

Pulkin, V. Tyon Prometheus : Viktor Gudkovin syntyman 100-vuotispaivaksi / Pulkin, V // Carelia. - 1999. - № 9. - S. 82-90. - Текст фин.
Пер. загл.: [Прометей : к 100-летию со дня рождения Виктора Гудкова].

Krasavtseva, N. Kantele-yhtyeen perustaja Viktor Gudkov tayttaisi huomenna 100 vuotta / N. Krasavtseva // Karjalan Sanomat. - 1999. - 15.syysk. - Текст фин.
Пер. загл.: [К 100-летию со дня рождения основателя ансамбля «Кантеле» Виктора Гудкова].

Гудков В. П. : (к 80-летию со дня рождения) // Календарь памятных дат Карельской АССР, 1979 год. - Петрозаводск, 1978. – С. 28-29.

М. Ю. Ванчурова, главный библиограф
Национальной библиотеки Республики Карелия